

Рюрик ИВНЕВ

Богема

<Фрагмент>

Визит к Троцкому

Широкое окно, казалось, создано для того, чтобы наблюдать, как с крыш, сверкая на солнце, падают прозрачные, похожие на застеклевший воздух ледяные сосульки... Внизу чернела освобождающаяся от снежного ковра земля. Солнце освещало железные трубы, они выглядели выкрашенными свежей сочной краской. Вода, лед и солнце способствовали тысяче самых разнообразных и волнующих звуков; паденье капель, журчанье, шум, таяние, легкое надламывание льдинок, потрескивание железа, падение снежных комьев с крыш. Казалось, что даже стены шуршат, шушукуются и слегка покачиваются, точно у них кружится голова от слишком прозрачного, слишком ясного, слишком нежною весеннего воздуха.

Я стоял на площадке широкой лестницы и глядел сквозь громадные зеркальные стекла широкого окна на весеннее таяние. Рядом, погруженный в свои думы, спиной к окну стоял Мариенгоф¹.

— Что же они не идут? — ворчал он. — Скоро час дня.

Я взглянул на часы.

— Сейчас без десяти. Мы пришли рано.

— Давай спустимся вниз. Я не намерен стоять здесь.

Нагибаюсь над перилами.

— Подожди, вот, кажется, они...

По лестнице поднимался Есенин в сопровождении Ройзмана².

— Что так поздно? — накинулся на них Мариенгоф.

— Во-первых, еще нет часа дня, а мы условились в час, — ответил Есенин, — а во-вторых, — он улыбнулся, показывая глазами на Мотю, — никак не могли для него подходящей косоворотки

найти. В последнюю минуту выручил Вампирчик. У него целый гардероб демократических одеяний.

Мы поднялись на третий этаж. Впереди шел Есенин. Дойдя до дверей, на которых было написано «секретарь», он приоткрыл дверь.

— Товарищ, можно? — спросил он. — Я вам звонил насчет приема к... товарищу Троцкому...

— Он на заседании, будет минут через двадцать, не раньше.

— Хорошо, мы подождем, — сказал Есенин, закрывая дверь.

Все подошли к окну.

— Как! — воскликнул Мариенгоф. — Ты же говорил, что звонил самому Льву Давидовичу.

— Ну, не все ли равно, — махнул рукой Есенин, — самому или секретарю, ведь это одно и то же...

— Подождите, ребята, — вмешался Ройзман, — еще раз прорепетируем, чтобы не путать. Сначала будет говорить Есенин общие, так сказать, основы дела, затем уж я коснусь деталей. Бумажка у тебя? — обратился он ко мне.

— Да.

— Давай ее мне, подсуну в подходящий момент, он подпишет,

— Главное, не забывайте, — прошептал Толик, — что произносить фразы «отдельные кабинеты» ни в коем случае нельзя.

— Что ты нас учишь? — огрызнулся Ройзман. — Знаем не хуже тебя.

— Я напомнил... на всякий случай...

— Тсс... вот, кажется, он сам, — прошептал Есенин, кидаясь к поднимавшемуся по лестнице плотному человеку в пиджаке, из-под которого выглядывала желтая чесучовая рубашка.

— Здравствуйте, товарищ Троцкий, — заулыбался Есенин.

Лев Давидович посмотрел на него равнодушными стальными глазами и, слегка кивнув, прошел мимо.

Сергей почесал затылок.

— Вот черт, не узнал, а ведь вместе пьянствовали в прошлом году...

— Не надо было подсказывать, — деловито вставил Ройзман.

— Ну, теперь все равно идем, он нас примет.

Под водительством Есенина мы вошли в комнату секретаря.

Молодой человек в черной рубашке, затянутый тонким пояском, открывая дубовую дверь, пропустил нас в кабинет.

— Только не слишком задерживайтесь, товарищи, — бросил он вдогонку.

Хозяин кабинета — молодой красивый большевик, известный в рядах партии как один из организаторов Красной армии, получивший мандат из рук Владимира Ильича Ленина, сидел у письменного стола, положив локти на столешницу. Одним глазом он смотрел на лежавшую перед ним коричневую папку, а другим — на вошедших поэтов.

Первым выступил Есенин:

— Здравствуйте, товарищ Троцкий, вы меня не узнаете? Я Есенин, а это мои товарищи, тоже поэты. Вы, конечно, слышали их имена: Рюрик Ивнев, Анатолий Мариенгоф, Матвей Ройзман.

— Садитесь, — сухо произнес Лев Давидович.

— Вот, товарищ Троцкий, — продолжал Есенин, — мы имеем маленькое издательство, выпускаем журнал, ведем культурную работу, и так как для издания альманахов и сборников нужны средства, мы открыли кафе.

— Кафе? — переспросил Троцкий, занятый, очевидно, своими мыслями.

— Да, кафе-клуб, где наши нуждающиеся товарищи-поэты получают бесплатные обеды.

— И при клубе организованы библиотека, шахматный и марксистский кружки, — выпалил Ройзман.

Мариенгоф наступил ему на ногу и тихо прошептал: «Не лезь».

— И вот, — распевал Есенин, — всей этой большой культурной работе грозит разрушение.

— Я не совсем вас понимаю, — устало произнес Троцкий, — причем же тут я, и потом... нельзя ли покороче... у меня тут дела и... заседание.

— Товарищ Троцкий, — взмолился Есенин, — мы понимаем, что вы — человек дела, и если решились посягнуть на ваше время, то...

— Дело в том, — перебил его Ройзман, — что наше кафе помещается в двух этажах, так вот, нижний этаж захлопнули.

— Захлопнули?

— Ну да, закрыли.

— Ничего не понимаю. Кто закрыл?

— Адмодет Моссовета.

— Как это можно одни этаж закрыть, а другой — не закрыть?

— Вот мы и не понимаем этого... Мы пришли к вам... у нас приготовлена бумага... вот, товарищ Троцкий, подпишите ее... нам тогда откроют.

С этими словами Ройзман вытащил из кармана заранее заготовленную бумагу и выложил ее перед изумленным партийцем.

Лев Давидович прочел вслух:

«В Адмотдел Моссовета. Прошу оказать содействие правлению «Ассоциации поэтов, художников и музыкантов» в деле полного функционирования их клуба «Парнас»».

— Что значит «полного функционирования»? А потом, товарищи, я не имею никакого отношения к Адмотделу...

— Но вас там так уважают, — сказал Ройзман.

— Товарищ Троцкий, выручите нас, — взмолился Есенин.

Мы с Мариенгофом сидели молча, не могли выдать из себя ни единого слова...

— Я не могу ничего предписывать Адмотделу и не могу подписывать таких бумаг. Самое большое, что я могу сделать, это позвонить.

Он взялся за телефонную трубку.

Есенин переглянулся с Ройзманом, неистово крутившим прядь волос у виска.

— Кабинет начальника Адмотдела... Да... Спасибо... Саша, ты? Говорит Троцкий... Здорово... Послушай, в чем дело? Тут пришли поэты... из «Парнаса»... клуб-кафе... Их прихлопнули. Что? Не прихлопывали? Закрыли только отдельные кабинеты? Очаг проституции? Понимаю. Да, да. Овечками. Ха-ха-ха. Ну, будь здоров! — он опустил голову, похожую на миниатюрную гильотину.

— Все кончено, — шепнул Есенин Мариенгофу.

Троцкий молча посмотрел на Есенина и Ройзмана. Мы с Мариенгофом отвели глаза в сторону.

— Ну, — вздохнул Есенин, — мы пойдем.

— Не задерживаю, — буркнул Троцкий, причем нельзя было разобрать, смеется он или сердится.

Есенин вышел первым. За ним, точно сконфуженные школьники, опустив глаза, шествовали Мариенгоф, я и Ройзман, который все крутил прядь волос у виска и думал, к кому бы еще пойти... Жаль, что Соня не в Москве. Спасти положение может только женщина.

— Удивительно, — сказал Есенин, когда все вышли на улицу, — кто бы мог подумать, что он забудет, как мы проводили время. Можно сказать, друг закадычный, вместе пили, кутили и вдруг... такой пассаж...

